

ПРОБЛЕМА ЭТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

Актуальность поиска этических основ комплексной оценки качества природной среды обусловлена тем обстоятельством, что сама по себе экологическая оценка не является самостоятельной логической операцией нормативного конструирования, но выступает, как правило, исходным этапом природо-преобразующего процесса, конечным результатом которого подразумеваются значительные изменения в содержании оцениваемого биоконтекста. Даже в процедуре эстетической оценки природного комплекса имплицитно предполагаются будущие антропогенные преобразования: изменения природного ландшафта с перспективой построения санаторно-оздоровительных комплексов, формирования поисковой эколого-образовательной структуры и т.д. В этом контексте социально-экологическую оценку всегда следует рассматривать как исходный этап будущих антропогенных преобразований.

При этом исходным пунктом оценочной процедуры является определение методологических подходов, в соответствии с которыми может быть осуществлена нормативная интерпретация.

Такое понимание регулятивной роли этических постулатов в оптимизации социоприродного взаимодействия, характерно для исследователей, исповедующих биоэтический подход к проблемам социально-экологической тематики, и представляется наиболее эвристичным направлением методологического поиска.

По нашему мнению, изначально следует исключить из оценочной процедуры подходы, базирующиеся на такой трактовке социоприродного взаимодействия, за которым в философской методологии закрепилось название «созерцательного». Созерцательность в нашем случае проявляется, если не в прямом игнорировании практического характера социоприродного взаимодействия, то, как минимум, в нормативной недооценке деятельного поведения человека в природной среде его обитания. Созерцательный подход основан на представлении о пассивном восприятии объективной реальности и в социальной экологии традиционно ориентирован на несколько идеализированное нормативное описание внешних, «явленческих» сторон природного объекта, понимание объекта как завершенной данности, не подлежащей какому-либо изменению и тем более, антропогенному преобразованию. Человек, как

субъект комплексной оценки, в такой трактовке выступает в виде какой-то абстракции, наделенной даром «непотребления» материальных природных ценностей, и в силу этого обстоятельства способным встать над утилитарно-прикладным пониманием качества природной среды обитания.

Выражаясь языком философии, можно сказать, что в этом откровенно гипотетическом случае, оценка биоценоза может быть ограничена трактовкой качества природного комплекса не более как его состояния, с неоправданным игнорированием его структурно-функциональной определенности. Такой подход в обосновании этических норм социальной экологии следует оценить, как философски ущербный и, следовательно, методологически несостоятельный. Иллюстративным аргументом этого вывода может служить апелляция к реальной практике поведения в природной среде обитания таких певцов русского леса, как И. Тургенев, М. Пришвин, С. Аксаков и др. Эти писатели, будучи поклонниками природных красот, были одновременно, страстными охотниками, и в этом качественном проявлении с готовностью убивали диких животных, добывали подранков, полагая вполне естественной такую форму поведения человека в природном окружении. В этом случае литературно-описательная созерцательность неестественным образом сочетается с признанием правомерности той жестокости, которую человек проявляет на охоте, в ловле рыбы, при рубке леса и иных практических формах социально-природного взаимодействия. При этом нет никаких оснований сомневаться в искренности авторов, испытывающих и активно пропагандирующих эмоциональный восторг перед красотой природных образований, и, как минимум, демонстрирующих непонимание той жестокости, которую неизбежно проявляет человек, реализуя материально-практические формы социального природопользования. Налицо дистанцирование эстетических (собственно созерцательных) и этических аспектов социоприродного взаимодействия, то есть эффект их взаимного концептуального отчуждения.

Убедительным аргументом предложенного выше тезиса о методологической несостоятельности созерцательного подхода может служить курьезный случай, изложенный в автобиографических текстах Л.Н. Толстого. На традиционной вечерней прогулке писатель механически прихлопнул обосновавшегося на его широком лбу комара. Курьез рядового случая заключается в том, что все произошло как раз в момент, когда автор философско-этической концепции «непротивления злу» излагал спутникам ее основные постулаты. Незамедлительно последовало замечание, что его конкретное практическое действие явля-

ется убийством живого существа, составляет процедуру ответа злом на зло, и, следовательно, противоречит основным постулатам концепции. То есть реальная практика свидетельствует, если не полной практической несостоятельности построения этического кодекса на основе пассивной созерцательности, то, как минимум, о значительной функциональной ограниченности такого норматива. Парадоксальность ситуации заключается в том, что потребление крови не только человека, но и любого теплокровного животного, является основным условием репродукционной состоятельности самки комара. Поэтому реализация этой жизненно важной потребности со стороны хищного насекомого лежит вне рамок этических установок социума и не может быть интерпретирована по принципу «хорошо-плохо» в нормативной конструкции социоприродных отношений. Кровососущую функцию комара, равно как и другие проявления потребительской жестокости со стороны представителей дикой фауны, следует принимать как данность и рассматривать ее за пределами этической оценки.

Однако, это заключение еще не является решением этической дилеммы в экологической оценке системе социоприродных отношений, и всего лишь выступает определенным этапом в постановке проблемы поиска нравственных основ в практике природопользования. Человек – существо биосоциальное, более того, существо плотоядное, поэтому остается спорным вопрос о том, возможно ли формирование какого-либо нормативного кодекса, которым следует руководствоваться при оценке форм, масштабов и главное, результатов его практической деятельности в природной среде обитания. Систему нравственных императивов надо строить с учетом того обстоятельства, что в практике социоприродного взаимодействия человек выступает как потребитель. Толстой, в свою очередь, решение проблемы выразил в тезисе о недопустимости руководствоваться в практике социоприродных отношений умозрительными построениями, и обязательно следует корректировать этические нормы в соответствии с реалиями обыденной практики.

В концептуальной структуре социально-экологической тематики практический подход предполагает, что человек, включенный в активное природопользование, выступает в качестве: а) детерминирующего фактора оценочной процедуры; б) субъекта реализации нормативного определения качества среды обитания; в) практического регулятора в процедуре определения приоритетного оценочного вектора. При этом следует иметь в виду, что масштабы оцениваемых изменений в структуре природной среды обитания принципиального значения не имеют, важен сам факт нормативного описания антропогенного вмешатель-

ства, влияющего на протекание естественных процессов природного метаболизма.

Можно сделать вывод о том, что созерцательный подход, не учитывающий активных форм практики социального природопользования, не может обладать каким-либо приоритетом в нормативном определении статуса природного комплекса, и поэтому не может способствовать обоснованию этических норм комплексной социально-экологической оценки.

В нашем случае признание приоритета природо-преобразующей практики перед созерцательным подходом представляется краеугольным обстоятельством в нормативно-оценочной интерпретации качества природной среды обитания.

УДК 316.728:330.58+316.485

Н.А. Лазаревич, вед. науч. сотр., канд. филос. наук
(Институт философии НАН Беларуси, г. Минск)

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ДОСТИЖЕНИИ ВЫСОКОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Принцип безопасности высокого уровня качества жизни понимается как соблюдение совокупности норм, требований, подходов к обеспечению устойчивого прогресса в достижении социальным субъектом – человеком, социальной группой, обществом, высокого качества жизни на максимально безопасной основе. Особенности реализации данного принципа нуждаются в широком спектре объективных и субъективных средств – методологических, ценностных, социально-экономических, экологических, научно-технических, образовательных, нравственно-этических и др. Каждый из них в общей структуре качества жизни играет важную роль и находится во взаимной связи с другими.

Качество жизни определяется степенью удовлетворения как материальных, так и духовных потребностей человека. Оно имеет сложную структуру. Охватывает условия труда и отдыха, жилищные условия, социальную обеспеченность и гарантии, охрану правопорядка и соблюдение прав личности, природно-климатические условия, показатели сохранения окружающей среды, медицинское обслуживание, здоровую окружающую среду, субъективные ощущения покоя, комфортности и стабильности, наличие свободного времени и возможности хорошо его использовать, реализацию прав по обеспечению безопасности существования и т. п.